

Георгий Григорьев

**Отбивные из
райских яблочек**

Георгий Григорьев

Отбивные из райских яблочек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73195798

SelfPub; 2026

Аннотация

Герой, прожив длинную жизнь, оказывается на операционном столе. Остановка сердца, туннель, встреча с бабушкой, которая готовит из райских яблочек отбивные...

Георгий Григорьев

Отбивные из райских яблочек

Мальчик Максим четырех лет отроду гулял с мамой и старшей сестрой Анечкой в Мисхорском парке. Был прекрасный солнечный день. Торговали мороженым и водой. Милостивая девушка обучала рисованию детей и взрослых за скромную плату, тем более что она предоставляла своим ученикам акриловые краски и загрунтованные картонки. Анечка нарисовала очень хорошую картинку. Она училась в художественной школе и поэтому легко справилась с заданием. Максим в это время наматывал круги на самокате.

Вдруг совершенно неожиданно с ясного неба хлынул дождь. Мама и Анечка спрятались под огромным платаном, а Максим остался на поляне под дождем.

– Максим! – вскричала мама – Иди скорей сюда! Промокнешь!

Но Максим стоял, запрокинув голову и раскрыв руки навстречу ливню.

Дождь так же внезапно, как начался, вдруг закончился. Даже лужи не успели образоваться. Вновь засияло солнце, и засверкали капельки на траве и листьях деревьев.

Максим облизнул мокрые от дождя губы и подошел к маме.

– Ну вот, будешь теперь ходить мокрый, – посетовала мама – Я не взяла запасной футболки.

– Ничего, мама, не волнуйся. По моим расчетам я довольно быстро высохну.

– Мама, а почему дождь соленый? – спросил вдруг Максим.

– Тебе показалось, – ласковым голосом сказала мама.

Анечка, которая уже закончила второй класс на отлично и много знала из Окружающей среды, строго сказала: «Максим, дождь не может быть соленым. Он образуется в высоких слоях атмосферы из водяного пара»

Максим с сомнением взглянул на Анечку, еще раз посмотрел на безоблачное небо и тихо произнес: «Там кто-то плакал».

Все было так, как описано в книге Раймонда Моуди «Жизнь после смерти» и в многочисленных интернет-публикациях. Я висел под потолком операционной, как подаренный на день рождения шарик, и сверху наблюдал за процессом. Потом подплыл к окну и увидел, что внизу на скамейке сидит моя Люба, и неотрывно смотрит на окно операционной. Молодой хирург перед операцией сказал ей, что положение серьезное. Можно ждать самого страшного. И теперь

она истово молилась о благополучном исходе.

На операционном столе было мое тело, вокруг которого располагались хирург, ассистент, операционная сестра и анестезиолог. Правда, лица анестезиолога я не видел. Он склонился над моей головой за специальной ширмочкой.

На животе у меня был разрез от мечевидного отростка до пупка. Перед операцией врачи предполагали опухоль, потому для ревизии брюшной полости был сделан большой разрез. Хирург шарил внутри моего живота, как Дед Мороз в мешке с детскими подарками. Ничего страшного он не нашел, кроме воспаленного, набитого камнями желчного пузыря. Выделив его из окружающих тканей и наложив лигатуру на желчный проток и сосуды, хирург протянул открытую ладонь операционной сестре. «Резать!».

В это время анестезиолог сдержанным голосом произнес: «Остановка сердца».

– Запускаем, -сказал хирург.

Анестезиолог протянул ему электроды, похожие на два утюга.

– От стола! – приказал хирург. Все, кроме хирурга, отошли от операционного стола.

– Разряд! – сказал хирург. Во мне что-то неприятно дернулось, но сердце не заработало.

– Разряд!

Ничего не изменилось.

Мне стало как-то скучно. Легкий сквозняк притянул ме-

ня к вентиляционной решетке. Я вдруг подумал: «Как же я пройду через эти маленькие дырочки?» Но окончание мысли я додумывал, уже летя по вентиляционной системе хирургического корпуса Ливадийской больницы.

Движение ускорилось. Возникли звуки. Сначала они были, как в старом метро, «звяк-звяк, звяк-звяк». Потом превратились в высокое сплошное «з-з-з-з». Я оказался в том самом тоннеле, о котором так много сказано и написано. Полет продолжался в полной темноте с нарастающим ускорением. Вот впереди забрезжил неяркий свет. И вдруг...

И вдруг я оказался в каком-то пространстве, похожем на Белую студию на канале Культура, где изящная Даша Златопольская ведет умные разговоры с такими же умными собеседниками, как она. Но только я увидел не Дашу, а мою бабушку.

Бабушка, конечно же, была в белой одежде, но только поверх нее был повязан ее всегдашний пестренький ситцевый фартук, а на голове белый в мелкую черную крапинку платок, завязанный узлом на затылке. Но это было еще не всё. То, что я увидел повергло меня в изумление. Бабушка стояла у плиты, которая как-бы висела в воздухе, а на плите были кастрюли и сковородки, в которых что-то булькало и шкворчало.

Бабушка спокойно взглянула на меня, как будто мы с ней

уже виделись сегодня утром.

– А, Жоринька, заходи, присаживайся, – сказала она.

Я огляделся в поисках какого-нибудь сиденья, но ничего похожего на табуретку не было.

– Садись-садись, – сказала бабушка еще раз. Я попробовал согнуть ноги в коленях и присесть. Получилось! Я сидел и даже можно было, как в детстве, болтать ногами.

Вдруг я обнаружил, что на мне нет никакой одежды и застучался. Бабушка это заметив, сказала:

– Чего ты смутился, внучек? Сегодня тебе дадут белую одежду, здесь не принято ходить нагишом, а пока на вот возьми укройся. Она протянула мне чистое кухонное полотенце. Я обмотался им, как после душа, и успокоился.

Внимательно посмотрев на плиту, я узнал ее. Это была та самая плита из нашей семейной молодости, когда мы однажды летом отдыхали на берегу Обского моря, точнее Новосибирского водохранилища, у села Завьялово, в котором жили наши родственники.

Мы это Люба, наша четырехлетняя дочка Олечка, я и Вася Локшин – наш юный родственник, который только что закончил школу и собирался поступать в медицинский институт.

До Новосибирска мы ехали на автобусе, а потом от Причала № 2 на теплоходе до плотины Новосибирской ГЭС. На Обское море надо было подниматься путем шлюзования.

Наш теплоход вместе с маломерными судами зашел в коробку шлюза, где-то вверху было видно небо. Ворота шлюза закрылись и в него стала с шумом прибывать вода. Борты нашего теплохода сравнялись с краями шлюза. Ворота шлюза открылись, мы оказались в том самом Обском море и поплыли в Завьялово на встречу с нашими родственниками.

Они-то и предложили нам место для «дикого отдыха», а чтобы он не стал слишком диким, снабдили нас всем необходимым инвентарем: топором, лопатой, сковородой, кастрюлей, чайником и прочей мелочью. Но самым главным была эта плита.

В песчаном откосе я лопатой вырубил ступеньку по размерам плиты и углубление, имитирующее топку, и даже подобие дымохода в вертикальной стенке. Получилась настоящая плита, на которой можно было готовить почти, как дома. И суп сварить, или картошку потушить с мясными консервами, или пожарить рыбу, которую мне иногда удавалось поймать.

Невдалеке от нашей стоянки располагался плавучий дом отдыха – причаленный к берегу теплоход, с которого выбрасывали на берег деревянные ящики от продуктов. Из них я смастерил стол и две лавочки, так что прием пищи также был вполне цивилизованным. Ночевали мы в двух палатках, привезенных из дома. По утрам я на лодке плавал в село и привозил молоко и свежий хлеб. Ну, что еще нужно было для счастья?

Олечка купалась сколько хотела, то есть до посинения и дрожи. Она научилась произносить букву эр – «Рэ-Рэ-Ры-ба!». Вася, лежа на животе, лениво перелистывал учебники, а по вечерам ходил на дискотеку в дом отдыха. Люба хлопотала по хозяйству и вязала крючком из белых ниток платье.

Две недели нашего отдыха пролетели быстро. Пора было возвращаться домой, но прежде надо было вернуть радушным хозяевам весь инвентарь, который они нам предоставили. Я погрузил в лодку все послужившие нам вещи и привез к селу, потом по частям относил во двор хозяевам. Последней была плита. Я насадил ее вместе с конфорочными кольцами на черенок лопаты, водрузил все это на плечо и понес. Кольца, соприкасаясь между собой и с плитой, издавали мелодичный звон, похожий на перезвон колоколов.

Когда, возвращаясь домой, мы проплывали на теплоходе мимо нашей бухточки, то увидели, что оставленное нами прекрасное место уже кем-то занято. Стояла палатка, ходили люди около стола и лавочек, на месте печки горел костер. Только плиты там не было.

И вот теперь я увидел ту самую плиту, кастрюли и сковородки, в которых что-то булькало и шкворчало.

– Бабушка! А откуда все это? Ведь говорят, что здесь все отдыхают, а ты опять стоишь у плиты.

– Да я тоже отдыхала. Даже как-то надоело. А потом пришли два посланника и спрашивают:

– Ну, что, Прасковья Петровна, как отдыхается?

– Хорошо отдыхается, спасибо, только уже надоело.

– Это очень кстати. К нам поступило множество заявок.

И во всех одно и то же «Душа просит чего-нибудь вкусненького». Видно, земные желания не сразу покидают души. Не могли бы вы нам помочь приготовить это что-нибудь вкусненькое?

– Отчего же не помочь, только мне нужен какой-никакой инвентарь.

– Говорите, что нужно конкретно. Мы организуем.

– Ребята молодцы, – рассказала бабушка, – быстренько всё доставили: плиту, кастрюли, сковородки, половник и ложку, а с ножом возникла проблема. Ножи здесь категорически запрещены. Один выдали с Высочайшего разрешения. Вот так и начала я готовить. Правда, с продуктами здесь не очень хорошо. Только райские яблочки. Компот из них сварить легко, или яблочный пирог испечь – тесто здесь получается просто воздушное. Если постараться, то можно суп сварить, а вот с отбивными долго мучилась. Никак не получались сначала. А потом с Божьей помощью начали получаться из яблок, как из куриной грудки, или свинины. Вроде ничего. Здешние жители хвалят, говорят: «Вкусные».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.